

ГЛАВА II

В.М. ДАЛИН, КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ*

Для тех, кому было суждено общаться с Виктором Моисеевичем Далиным лично, он навсегда остался выдающимся историком, деятельность которого является образцовым примером беззаветного служения исторической науке. Яркий исследовательский талант, колоссальная работоспособность, негибкая сила воли и чувство высокой ответственности перед избранной профессией позволили ему на протяжении долгого жизненного пути, отнюдь не усыпанного розами, создать ценнейшие труды по ряду ключевых вопросов Новой и новейшей истории Франции, обеспечившие ему почетное место среди блестящей плеяды русских и советских служителей музы Клио, изучавших историю Франции.

Вклад В.М. Далина в разработку многих узловых проблем франковедения и, в частности, истории Французской революции XVIII в. по достоинству оценен зарубежными историками, которые неоднократно откликались на его исследования, переведенные на иностранные языки¹³³. Признанием заслуг советского историка за рубежом стало его избрание почетным председателем Комиссии по изучению истории Французской революции при Международном комитете исторических наук, почетным доктором Безансонского университета, членом административного совета французского Общества робеспьеристских исследований, членом Итальянского научного центра по изучению эпохи Наполеона¹³⁴.

* Первоначальный вариант статьи опубликован в кн.: ФЕ – 2002. С. 8-20.

¹³³ См.: Библиография трудов Виктора Моисеевича Далина (1902-1985) и литература о нем. С. 70-87.

¹³⁴ В.М. Далин, как и многие другие его советские коллеги, был гораздо больше оценен за рубежом, чем на своей родине. Об этом неоднократно писали их ученики и младшие коллеги. См. например: **Л.И. Гинцберг, Л.В. Поздеева.** Аркадий Самсонович Ерусалимский (1901-1965) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. С. 352; **Р.Ф. Иванов.** Алексей Владимирович Ефимов (1896-1971) // Там же. С. 370.

Перед нами трудная задача: писать о личности В.М. Далина, незаурядного человека, осложняющаяся еще и тем, что автору сих строк довелось долгие годы работать под его руководством, а это обстоятельство, на первый взгляд, предполагает наличие субъективного подхода. Но, тем не менее, считаю необходимым обрисовать портрет В.М. Далина – исследователя и гражданина.

В.М. Далин был одним из самых ярких представителей своего поколения, которое вступило в жизнь в переходную эпоху и получило воспитание в соответствии с повелительными требованиями революционного времени. Его юность и молодость были озарены лучами Октябрьской революции, и это обстоятельство наложило неизгладимый отпечаток на формирование его психологии, мышления и поведения. Романтизм в сочетании с неудержимым желанием скорейшего коренного переустройства общественной жизни был характерной чертой творцов революции на ее заре. До самой кончины В.М. Далин свято верил в идеалы далекого 1917 года, претворению в жизнь которых он всецело посвятил все силы и знания.

Участник первых боев за установление советской власти, активный комсомольский работник, занимавший высокие посты, В.М. Далин пришел в науку в ту пору, когда марксистская методология вела непримиримую борьбу за самоутверждение. Став под руководством академика Н.М. Лукина одним из самых последовательных историков-марксистов первой волны, В.М. Далин, во имя утверждения господства новой методологии, активно включился в беспощадную идеологическую борьбу против историков, полностью или даже частично не принимавших марксизм и не разделявших взглядов Н.М. Лукина. Возможно, в те годы иначе не могло и быть, ибо речь идет о поколении молодых исследователей, получивших историческое образование сразу же после победы социалистической революции, которая открывала, как им представлялось, новую эру в судьбе человечества. Они горели желанием все перевернуть вверх дном, сметая на своем пути все то, что олицетворяло старые порядки.

Чтобы не быть голословным, приведу для характеристики позиции самого В.М. Далина такой пример: в те годы с присущим ему пылким молодым задором, в порыве преклонения перед

новой методологией, он страстно выступал против академика Е.В. Тарле, воспринимая его как «буржуазного» историка¹³⁵. Даже во время научной командировки во Францию в 1929-1930 гг., по собственному признанию В.М. Далина, у него не было ни малейшего желания присутствовать на публичной лекции находившегося тогда в Париже «идеологического противника», на которую он все же пошел, но с большой неохотой.

Однако в последние годы жизни В.М. Далин считал Е.В. Тарле выдающимся ученым, которого высоко ценил. С особым почтением он говорил о его работах дореволюционного времени, которые он в далекие 1920-1930-е годы подвергал беспощадной критике, отмечал обширнейшую эрудицию и литературное мастерство. Что же касается негативного отношения представителей школы Н.М. Лукина к Е.В. Тарле, то В.М. Далин с горечью признавал, что и он сам в те годы такое отношение разделял.

В.М. Далин прожил содержательную, интересную жизнь. Ему довелось, как уже отмечалось, лично общаться и сотрудничать со многими руководящими деятелями советского государства и международного рабочего движения. Но в отличие от многих других, В.М. Далин без большой охоты говорил о своих встречах и общении с людьми, олицетворявшими целую эпоху. Исключение он делал только для ученых с мировым именем. До конца своих дней В.М. Далин, к примеру, с особой гордостью и с большим восторгом вспоминал о своих встречах в Париже с одним из крупнейших исследователей истории Французской революции Альбером Матъезом, которого наряду с Н.М. Лукиным и В.П. Волгиным считал одним из своих учителей¹³⁶. Он не только во

¹³⁵ См. рецензию В.М. Далина на книгу: **Е.В. Тарле**. Краткий очерк истории Европы (1814-1919). 2-е изд.: Л. 1929 // Книга и революция. 1929. № 15/16 (под псевдонимом К. Винтер). См. также: **В.М. Далин**. Выступление на методологической секции от 18 декабря 1930 г. // ИМ. 1931. № 21. С. 55-60. О гонениях, которым подвергся Е.В. Тарле в 1920-1930-х годах, в том числе самим Сталиным, написано не мало, однако, я предпочитаю отослать читателя к книге А.В. Гордона, более подробно и, что для нас важнее, разносторонне осветившего этот вопрос: **А.В. Гордон**. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918-1941. Саратов. 2005.

¹³⁶ **С.В. Оболенская**. В.М. Далин — почетный доктор Безансонского университета // ФЕ — 1985. М. 1987. С. 310-311.

всех деталях передавал содержание своих с ним бесед на научные темы, рассказывал об оценках, данных А. Матъезом Сталину, Троцкому, а также А. Олару и другим историкам, но и описывал его внешность, манеру держаться, особенности характера и т. д.

Однако А. Матъез, научным наследием которого он восхищался, не был для него предметом слепого поклонения даже в годы его молодости. В 1930-1931 гг. В.М. Далин вместе со своими коллегами выступил против А. Матъеза, когда тот подверг резкой критике сложившуюся в СССР политическую систему, превращение исторической науки в априорную догму, «которая и является своеобразным марксизмом, понимаемым и применяемым на манер катехизиса»¹³⁷, а также те гонения, которым подвергся ряд советских историков (Е.В. Тарле и др.) со стороны Сталина. В 1931 г. вместе с Н.М. Лукиным и еще шестью коллегами (Р.А. Авербух, Н.П. Фрейнберг, С.Д. Куниским, С.М. Моносовым, Я.В. Старосельским, С.П. Завитневичем) он подписался под критическим письмом, адресованном А. Матъезу¹³⁸, свидетелевавшим о мировоззрении советских историков давно минувшего времени. Здесь не место подробно обсуждать эту, мягко говоря, неплодотворную для советских исследователей дискуссию¹³⁹, в ходе которой А. Матъез разгромил своих оппонентов, назвав их «сталинскими историками»¹⁴⁰. Отметим, однако, что советские историки в своих выступлениях против него с радостью ухватились за такую, более чем лестную, на их взгляд, оценку, которой они гордились и восхищались¹⁴¹.

¹³⁷ Цит. по: **Н.М. Лукин**. Новейшая эволюция Альбера Матъеза // ИМ. 1931. Т. 21. С. 40.

¹³⁸ Полемика Альбера Матъеза с советскими историками 1930-1931 гг./ Предисловие В.А. Дунаевского // НиНИ. 1995. № 4. С. 205-207.

¹³⁹ См. об этом: **J. Friguglietti**. Albert Mathiez historien révolutionnaire (1874-1932). Paris. 1974. P. 210-216 ; Полемика Альбера Матъеза с советскими историками 1930-1931 гг. С. 199-211; **В.А. Дунаевский**. Николай Михайлович Лукин (1885-1940) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. С. 316-317.

¹⁴⁰ См. письмо А. Матъеза Ц. Фридлянду от 20 декабря 1930 г. // Полемика Альбера Матъеза с советскими историками. С. 205.

¹⁴¹ **Ц. Фридлянд**. «Казус Матъеза» // Борьба классов. 1931. № 1. С. 104. Всесторонняя и объективная оценка этой, скорее политизированной, чем научной дискуссии дана сравнительно недавно А.В. Гордоном: **А.В.**

В связи с этим нам хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Во время «перестройки» некоторые авторы, ссылаясь на этот пример и на выдвинутую советскими историками 1920-1930-х годов концепцию якобинской диктатуры, однозначно одобрявшую все имевшие место за годы Французской революции эксцессы, с язвительной и непростительной иронией упоминали о трагической судьбе тех, кто, восхваляя Робеспьера или якобинский террор, сами вскоре стали жертвами сталинских репрессий¹⁴². Никто из писавших подобным образом почему-то не задумался над тем, что речь шла о ничем не отличавшемся от настоящей трагедии коллективном менталитете целого поколения исследователей, над головой которых был занесен меч сталинизма.

Помимо А. Матьеа, среди французских историков разных направлений, с которыми В.М. Далина связывала многолетняя творческая дружба, он особенно высоко ценил творчество Ф. Броделя, Э. Лабрусса, А. Собуля, Ж. Годшо и Ж. Брюа. Неоднократно общаясь с ними лично во время их московских визитов, В.М. Далин установил с французскими коллегами очень дружеские отношения и в конце жизни признавал, что это общение во многом способствовало расширению его научного кругозора¹⁴³. В то же время отметим, что общение с В.М. Далиным было весьма полезным и для его французских коллег. Р. Легран, один из крупнейших специалистов по истории бабувистского движения, признавал: «Наша переписка, длившаяся четверть века, чрезвычайно много мне дала: он был примером для меня, я глубоко его уважал и постоянно пользовался его советами»¹⁴⁴.

Особо теплыми были его отношения с А. Собулем¹⁴⁵, вместе с которым, как уже отмечалось, он подготовил в 1960-х годах опись рукописных документов Гракха Бабефа, а в дальнейшем осуществил международное издание его сочинений в четырех томах. В то же время В.М. Далин не испытывал особых симпатий

Гордон. Указ. соч. С. 93-96, 230-232.

¹⁴² См. например: **Н.Н. Молчанов**. Указ. соч. С. 555.

¹⁴³ **V. Daline**. Hommes et idées. P. 5.

¹⁴⁴ **Р. Легран**. Памяти профессора В.М. Далина // ФЕ — 2002. С. 54.

¹⁴⁵ См. его трогательные воспоминания о нем: **V. Daline**. Albert Soboul. Un ami fidèle... // AHRF. 1983. N° 253. P. 359-363.

к представителям так называемого «ревизионистского», т. е. критического направления французской историографии, принципиально не принимая их воззрений. К примеру, называя Э. Леруа Ладюри талантливым историком, он весьма сожалел, что тот не придерживался марксистской методологии. Здесь уже, на мой взгляд, давало о себе знать не только историческое воспитание В.М. Далина, однозначно отвергавшее все отклонения от марксизма, но и возраст.

С В.М. Далиным, помимо крупнейших западных ученых поддерживали тесные научные контакты и представители молодого поколения исследователей различных стран (Франции, Венгрии, Португалии и ряда других), для которых он был непререкаемым научным авторитетом. Однако его вклад в науку был высоко оценен в первую очередь светилами французской историографии, такими, как Ф. Бродель, А. Собуль, назвавшего В.М. Далина в разговоре с автором этих строк в июне 1978 г. «хорошим другом и крупным ученым». Восторженные оценки его трудов неоднократно высказывались и Ж. Годшо¹⁴⁶.

Судьба уготовила В.М. Далину трудную участь. Лучшие годы творческой жизни ему было суждено провести в сталинских лагерях. Будучи человеком крайне сдержанным, он редко и весьма неохотно говорил про этот период своей биографии. Но однажды все же коснулся этой темы. По его словам, ему предъявлялись обвинения в связях с троцкистами. На вопрос были ли у него такие связи, В.М. Далин, с грустной улыбкой ответил: «В те годы достаточно было человека увидеть в разговоре с кем-то». Несмотря на беспочвенность этого обвинения¹⁴⁷, ему, тем не менее, не удалось избежать осуждения на десять лет и ссылки, ибо как отмечал Д.А. Волкогонов, «в те годы слово троцкист звучало как приговор»¹⁴⁸. «Следователь, который вел мое дело, сказал: "В Вашем деле цыпленок еще не вылупился из яйца, но как минимум лет десять Вам дадут"», — вспоминал В.М.

¹⁴⁶ Об оценках Ф. Броделя и Ж. Годшо см. в главе I настоящей книги.

¹⁴⁷ См. об этом: **М.В. Далин**. «Запечатленные моменты» из жизни В.М. Далина. С. 24-30.

¹⁴⁸ **Д.А. Волкогонов**. Троцкий. Политический портрет. Кн. 2. М. 1992. С. 188.

Далин¹⁴⁹. Однако ему пришлось провести в заключении, в общей сложности, около семнадцати лет¹⁵⁰.

Незаконный арест, заключение и ссылка безусловно наложили глубокий след на его дальнейшее поведение и образ мысли. Он избегал разговоров на политические темы, не одобрял критических высказываний о политике правительства или о каких-либо пороках советской действительности, рекомендовал проявлять большую сдержанность при разговорах на эти темы, а лучше и вовсе избегать их, порицал за знакомство и общение с иностранцами, не являвшимися гостями Академии Наук.

Прошлое В.М. Далина во многом помешало гармоничному развитию его научной карьеры. Приведем самый разительный пример. Глубоко преклоняясь перед творчеством советского историка, французские коллеги и, в частности, Ф. Бродель, неоднократно изъявляли желание пригласить его во Францию для совместной работы. Но все эти попытки закончились ничем. Еще в 1960 г. советские власти запретили В.М. Далину участвовать в международном colloquium в Стокгольме, посвященном 200-летию со дня рождения Бабефа, а его доклад там был зачитан Б.Ф. Поршневым¹⁵¹. Ему дали понять, что он, бывший политзаключенный, не был полностью реабилитирован и не имел права на выезд за пределы СССР¹⁵².

На столь грустную ситуацию В.М. Далин смотрел более чем философски, однако избегал разговоров на эту щекотливую тему. В последние годы жизни он на приглашения зарубежных

¹⁴⁹ В этой связи, чтобы получить представление о царившей в стране обстановке, можно вспомнить свидетельство А.И. Солженицына, который в своей книге приводит характерный разговор одного из начальников конвоя со своим подчиненным. На вопрос, за что дали одному из заключенных двадцать пять лет, последний ответил: «Да ни за что». На это начальник конвоя возразил: «Врешь. Ни за что — десять дают». См.: **А.И. Солженицын**. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. М. 1990. С. 210.

¹⁵⁰ См. об этом в главе I настоящей книги.

¹⁵¹ **А.В. Гордон**. Великая французская революция в советской историографии. С. 237.

¹⁵² А.И. Солженицын в этой связи метко заметил: «Освободились-то мы еще очень мало — головы да рты, но по плечи мы увязали по-прежнему в болоте рабства». **А.И. Солженицын**. Указ. соч. Т. 3. М. 1990. С. 427.

коллег (Ж. Шарля и др.) отвечал вежливым отказом, ссылаясь на состояние здоровья. Не впадая в уныние, что, в принципе, было не совместимо с характером такого волевого человека, как В.М. Далин, он часто подчеркивал, что можно писать по истории Франции интересные научные работы и в Москве, имея в распоряжении богатые архивы.

В связи с этим следует обязательно сказать об одной из особенностей творчества В.М. Далина. В науке он выбирал непроторенные пути, и все основные труды, вышедшие из под его плодовитого пера в 1950-1980-е годы, — результат тщательного изучения многочисленных архивных первоисточников, к которым до него не прикасалась рука историка. Как профессионал он придавал первостепенное значение исследованию архивных документов, без чего, в принципе, немислимо всестороннее и глубокое изучение прошлого. Впоследствии он об этом писал: «Историк, никогда не работавший в архиве, подобен футболисту, ни разу в жизни не забившему ни одного гола»¹⁵³. Именно поэтому В.М. Далин с удовольствием и часто приводил пример Ж. Лефевра. Этого историка он высоко ценил и, к слову сказать, очень переживал, что был лишен возможности личного общения с ним во время своей единственной научной командировки во Францию, ибо тот находился тогда в провинции. В.М. Далин подчеркивал, что при написании своей книги о крестьянах департамента Нор Ж. Лефевр вел архивные изыскания в течение нескольких десятилетий¹⁵⁴.

Страстный труженик, крупный знаток всех тонкостей исследовательской работы, В.М. Далин и от своих учеников требовал упорной, многолетней работы в архивах, бережного отношения к документам, поверхностного изучения которых категорически не принимал. Дабы помочь молодым историкам сориентироваться в этой не очень простой, особенно в начале исследовательской работы, области, он при необходимости, несмотря на преклонный возраст, даже зимой ходил вместе с ними в архивы, помогая при расшифровке неразборчивых рукописных материалов. В.М. Далин считал архивные изыскания

¹⁵³ **В.М. Далин**. Полвека изучения истории Франции. С. 10.

¹⁵⁴ См. об этом: **J. Godechot**. Op. cit. P. 311-313.

непрерывным условием успеха исторических исследований и неотъемлемой частью творчества научного сотрудника. Он высоко ценил профессионализм в науке, ведь его собственные работы, как отмечал В.П. Смирнов, «дают нам образец высококачественного научного исследования; могут служить примером научной добросовестности и высочайшего профессионализма»¹⁵⁵.

До конца своих дней В.М. Далин свято чтит память своих учителей и безвременно ушедших из жизни коллег. Преданность и высочайшее чувство долга перед памятью покойных друзей – выдающихся историков с мировым именем, украшали его как человека и гражданина. По его инициативе созывались заседания группы по изучению истории Франции при Институте всеобщей истории АН СССР, руководителем которой он стал после кончины А.З. Манфреда, посвященные памяти Н.М. Лукина, В.П. Волгина, А.З. Манфреда, Б.Ф. Поршнева, А. Соболя и др., где он выступал с душевными, пламенными и искренними речами. Когда В.М. Далин говорил об этих людях, об их подчас горькой судьбе, его глаза нередко наполнялись слезами.

С особой признательностью он вспоминал имя академика В.П. Волгина, называя его «благороднейшим человеком»¹⁵⁶. С большой теплотой он рассказывал о том радушном приеме, который В.П. Волгин, в то время вице-президент АН СССР, оказал ему в 1946 г. после отбытия первого срока заключения. «Кем я был, беспаспортным бродягой. Другие головы отворачивали, а он, приоткрыв двери своего кабинета, принял меня как самого близкого человека», – отметил он во время одного из своих выступлений на заседании группы по изучению истории Франции. Именно благодаря помощи В.П. Волгина, В.М. Далину после окончательного обретения свободы был поручен перевод второго тома избранных произведений Марата¹⁵⁷, что, в частности, стало важным материальным подспорьем для бывшего заключенного.

¹⁵⁵ В.П. Смирнов. Виктор Моисеевич Далин // Исторические этюды о Французской революции. С. 21.

¹⁵⁶ См.: В.М. Далин. Благороднейший человек. (Из воспоминаний о В.П. Волгине) // ФЕ – 1979. М. 1981. С. 5-14. См. также: *его же*: Полвека изучения истории Франции. С. 16-31.

¹⁵⁷ Ж.П. Марат. Избранные произведения. Т. 2. М. 1956.

В.М. Далин около полувека дружил и сотрудничал с Альбертом Захаровичем Манфредом. Познакомившись с ним еще в 1920-х годах, в семинаре Н.М. Лукина по истории французского социалистического движения, он на протяжении всей жизни остался верным этому замечательному историку, которого ценил больше всех остальных. Его отношение к А.З. Манфреду служит образцовым примером преданности и верности памяти ушедшего из жизни друга.

А.З. Манфред был для В.М. Далина высочайшим научным авторитетом. Виктор Моисеевич оценивал его намного выше себя, хотя на самом деле, в своем «ремесле историка» вряд ли уступал другу, занимая в науке равное с ним положение. При возникновении спорных вопросов В.М. Далин неоднократно подчеркивал: «А Вы посмотрите, как пишет Альберт Захарович. Какие он дает объяснения». Правда, считая А.З. Манфреда, историка поистине незаурядного таланта, одаренного редчайшим литературным дарованием, недостижимым в науке, он, тем не менее, все время отмечал, что материал следует излагать не сухо, сугубо академично, а в литературном виде – именно так, как это умел делать Альберт Захарович. Поэтому, не случайно, что 16 декабря (в день смерти А.З. Манфреда) 1978 г. подарив мне «Французский ежегодник – 1976», он сделал следующую надпись: «Дорогому Варужану, dans l'espoir qu'il deviendra digne élève d'Albert Manfred » («в надежде, что он станет достойным учеником Альберта Манфреда»).

Помимо того, давая, при необходимости, советы в жизненных вопросах, он часто ставил в пример поведение А.З. Манфреда, с удовольствием обращая внимание на то, каким тот был галантным в общении человеком. Как-то, во время одного из своих выступлений в секторе, в связи с праздником 8 марта, он рассказывал о том, что долгие годы обычно здоровался сперва с мужчинами, а потом с женщинами. Однако со временем, заметил, что А.З. Манфред поступает по-другому, здороваясь сперва с женщинами, а потом уже с мужчинами. Только после этого он стал подражать примеру друга. Однако, такое поведение по отношению к представителям красивого пола в наше время, как показал мой собственный опыт, к сожалению, не воспринимается

в современном обществе, по крайней мере, на постсоветском пространстве, как положено, что неоднократно заставляло меня вспоминать слова О.В. Серовой: «Манфред был представителем своего поколения», отличающегося во многом как от моего, так от идущего за ним на смену поколений.

Помню, как при жизни В.М. Далина некоторые из его коллег снисходительно констатировали, что он боготворил Альберта Захаровича. Отчасти это и действительно было так. Я никогда не позволял себе затрагивать в разговоре с ним эту болезненную тему и, естественно, не претендую на исчерпывающее суждение по этому поводу. Думаю, что основная причина проявления с его стороны столь подчеркнутого пиетета по отношению к памяти безвременно ушедшего из жизни друга, по всей вероятности, крылась в том, что заслуги А.З. Манфреда так и не были по достоинству оценены советской Академией Наук. Ее члены упорно не хотели принимать в свои ряды этого выдающегося и, по справедливому замечанию Ю.В. Борисова, «достойнейшего из достойных» историка¹⁵⁸.

В.М. Далин, тяжело переживая его безвременную кончину,

¹⁵⁸ **Ю.В. Борисов.** Указ. соч. С. 414. На одну из причин, не имевшую ничего общего с научными дарованиями А.З. Манфреда, препятствовавшей его избранию академиком, обратил внимание Ю.И. Рубинский: «Терновый венец диссидента его не прельщал. Однако ему всегда претило ползание «по-пластунски», не поднимать головы, чтобы не попасть под перекрестный огонь противника. Поскольку же в противниках, завистниках, недоброжелателях недостатка у него не было никогда, он находил в себе мужество открыто противостоять им, не бояться конфронтации, а порой даже провоцировал ее сам. Было в нем что-то не только от язвительного Вольтера, но и от задорного, непочтительного к авторитетам галльского петуха-Шантеклера». **Ю.И. Рубинский.** А.З. Манфред и Франция // Россия и Франция: исторический опыт XVIII-XIX веков. С. 21. Как подтверждение этих слов сошлемся на свидетельство вдовы А.З. Манфреда, ныне покойной, Н.В. Кузнецовой, сообщившей мне в 1979 г., что незадолго до злополучных выборов 1976 г. в АН СССР, где ее муж собирался баллотироваться, к нему обратились с предложением написать биографию Л.И. Брежнева, к семидесятилетию со дня рождения Генерального Секретаря ЦК КПСС. А.З. Манфред дипломатично отказался от этого лестного предложения, а Н.В. Кузнецова так объяснила его поведение: «Он бы перестал уважать себя».

с глубокой грустью говорил, что жизнь Альберту Захаровичу укоротили надвигавшиеся в декабре 1976 г. выборы в АН СССР. Не раз терпевший неудачу на предыдущих выборах, А.З. Манфред, как рассказывал В.М. Далин, сильно переживал накануне голосования, и, в конце концов, нервы не выдержали этого напряжения: он не дожидаясь выборов четыре дня¹⁵⁹.

В.М. Далин очень многое сделал для подготовки к печати рукописей А.З. Манфреда, чьи посмертные работы вышли под его редакцией и с его предисловиями¹⁶⁰. В.М. Далин выступал также с интересными статьями, посвященными жизни и творчеству А.З. Манфреда¹⁶¹. Его памяти он посвятил и свою книгу об историках Франции.

Разумеется, В.М. Далин не во всем, мягко говоря, подражал своему другу (по свидетельствам их младших коллег, они были совершенно разными людьми)¹⁶². К примеру, он был очень

¹⁵⁹ Любопытно, что сразу же после кончины, словно по мановению волшебной палочки, А.З. Манфред превратился в «виднейшего» и «крупнейшего» советского историка, «крупнейшего советского ученого». См.: Известия. 24 декабря 1976 г. С. 4; Советская культура. 24 декабря 1976 г. С. 4; Литературная газета. 26 января 1977 г. С. 14; ВИ. 1977. № 3. С. 219. Такова была советская действительность. Впрочем, и великий Бальзак получил за год до кончины на выборах во Французскую Академию два голоса, так и не пополнив ряды сегодня уже давно забытых и ни кому не известных «бессмертных»: за него проголосовали Гюго и де Виньи. См.: **А. Моруа.** Прометей, или жизнь Бальзака. М. 1988. С. 571. Впоследствии, действовавшие при выборах во Французскую Академию драконовские механизмы были подвергнуты беспощадной критике, в стиле вольтеровского сарказма, Доде в опубликованном в 1885 г. романе «Бессмертный».

¹⁶⁰ **А.З. Манфред.** Три портрета эпохи Великой французской революции. Руссо, Мирабо, Робеспьер. М. 1978; *его же:* Великая французская революция. М. 1983; **A.Z. Manfred.** Napoléon Bonaparte. Moscou. 1980.

¹⁶¹ См. например: **В.М. Далин.** Последние годы (по записным книжкам А.З. Манфреда) // ФЕ — 1981. М. 1983. С. 166-174; *его же:* Французская печать о «Наполеоне Бонапарте» А.З. Манфреда // ФЕ — 1982. С. 256-257 (под псевд. И. Мохов); *его же:* Albert Manfred // АНRF. 1978. № 231. Р. 153-155.

¹⁶² См. например: **С.В. Оболенская.** Человек, обладавший даром привлекать сердца // ФЕ — 1981. С. 165. То же констатировала в личном разговоре со мной хорошо знавшая их Н.В. Емельянова.

скуп на похвалы, в отличие от А.З. Манфреда¹⁶³. Восторженные оценки В.М. Далин высказывал редко: он отзывался об А.Р. Иоаннисяне как о «крупнейшем специалисте по истории французской общественной мысли»¹⁶⁴, А.В. Адо характеризовал как «крупнейшего у нас специалиста по истории Французской революции», высоко ценил свою ученицу Г.С. Черткову за проявляемую тщательность и добросовестность в научных изысканиях. По поводу вынужденного отъезда А.С. Кана в Швецию на постоянное жительство, как-то грустно заметил: «Это большая потеря». Зато, за долгие годы совместной работы, не помню такого, чтобы о себе он обмолвился хотя бы одним словом. Кстати, это было ведомо не только мне одному¹⁶⁵. Человек неподдельной скромности, в разговорах на научные темы он избегал, по возможности, упоминания своих исследований, о весомом вкладе, привнесенном им в науку, тем самым подтверждая правдивость высказывания Бальзака о том, что «выдающиеся таланты никогда не говорят о своих творениях»¹⁶⁶. Правда, перевод его книг на французский язык и появление на них рецензий за рубежом приносили ему на старости лет большую радость.

В.М. Далин был на редкость честолюбивым, но тщеславие было ему совершенно чуждо. Пользуясь огромным авторитетом в научных кругах в нашей стране и за рубежом, Виктор Моисеевич, в отличие от многих советских выдающихся историков, никогда не изъявлял желания баллотироваться на выборах в АН СССР. Одна из моих старших коллег из Института всеобщей истории, долго беседуя со мной в 1986 г. в Российской государственной библиотеке о многих из наших предшественников и проведя аналогии между ними, заключила: «Ученый, конечно, Ваш Далин», тем самым ставя его выше других. В чисто научном плане мнение о В.М. Далине, как талантливом историке по призванию, никем не подвергалось, да и не могло бы подвергаться, ни малейшему

¹⁶³ Там же. С. 161-162.

¹⁶⁴ См. об этом также в его отзыве на книгу А.Р. Иоаннисяна «Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-1841 гг.»: **А.Р. Иоаннисян**. Неопубликованные произведения. Составитель, автор предисловия и комментария д.и.н. В.А. Погосян. Ереван. 2009. С. 168.

¹⁶⁵ См.: **Е.В. Старостин**. Указ. соч. С. 56.

¹⁶⁶ **О. Бальзак**. Собр. соч. в 24-х томах. Т. 13. М. 1960. С. 399.

сомнению. Не случайно, руководители журнала «Новая и новейшая история» намереваясь в 1987 г. открыть новую рубрику – «Портреты советских историков», первой изъявили желание опубликовать его научную биографию, которая, тем не менее, была опубликована второй по счету¹⁶⁷.

В творческой жизни В.М. Далин особое место занимала редакторская работа, съедавшая львиную долю времени. В отличие от многих своих коллег, не жалея своего времени и сил, он выполнял эту работу с охотой, получая от этого большое удовольствие. Он самым тщательным образом редактировал не только «Французский ежегодник». Еще в 1930-х, а затем и в 1960-1980-х годах он состоял в редакционных коллегиях таких авторитетных изданий, как «Историк-марксист», «Борьба классов», «История второго Интернационала», «Маркс-историк», «История Франции» и др.¹⁶⁸. В 1972-1981 гг. он входил также в редакционную коллегию серии «Памятники исторической мысли», насчитывавшей в годы его нахождения в редколлегии десять книг, одна из которых была опубликована под его непосредственной редакцией и с его обширным послесловием¹⁶⁹.

Помимо издания сочинений Бабефа, о чем уже было отмечено, В.М. Далин принимал также деятельное участие в подготовке к публикации собрания сочинений Н.М. Лукина и переиздании книг В.П. Волгина¹⁷⁰. Им было тщательно прочитано и бережно отредактировано более пятнадцати научных монографий по Новой истории Западной Европы¹⁷¹; а как много времени он уделял своим аспирантам, да и другим молодым историкам, не

¹⁶⁷ **З.С. Белоусова, В.А. Погосян**. Виктор Моисеевич Далин (1902-1985) // НиНИ. 1989. № 5. С. 174-188.

¹⁶⁸ История второго Интернационала. Т. 1-2. М. 1965-1966; Маркс-историк. М. 1969; История Франции. Т. 1-3. М. 1972-1973.

¹⁶⁹ **П.А. Кропоткин**. Великая французская революция 1789-1793. М. 1979.

¹⁷⁰ **Н.М. Лукин**. Избранные труды в трех томах. Т. 1-3. М. 1960-1963; **В.П. Волгин**. Очерки истории социалистических идей. С древности до конца XVIII в. М. 1975; *его же*: Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX в. М. 1976; *его же*: Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М. 1977; *его же*: Французский утопический коммунизм. М. 1979; *его же*: Статьи и выступления. М. 1979.

¹⁷¹ См.: Библиография трудов Виктора Моисеевича Далина (1902-1985) и литература о нем. С. 84-86.

устава по несколько раз возвращаясь к текстам их работ.

Особо следует отметить неоценимый вклад В.М. Далина в редактирование «Французского ежегодника», душой которого, по общим оценкам, он был со дня его основания. Сначала как член редакционной коллегии, а затем, почти четверть века, как заместитель главного редактора, он приложил много сил для сохранения высокого научного уровня этого издания. После безвременной кончины А.З. Манфреда, он взял на себя основную тяжесть по подготовке к изданию «Французского ежегодника», тем более, что в трех томах нашего академического издания, вышедших за 1977-1979 гг., как это ни парадоксально, не значился главный редактор. Оно выходило за его, как заместителя главного редактора, подписью. После того, как на должности главного редактора ежегодника был наконец-то утвержден, к моему изумлению, В.В. Загладин, не скрывая своего возмущения, я спросил у В.М. Далина, как можно понять такое назначение. Намекая на свой преклонный возраст, он тихим голосом ответил: «Мы сами так захотели. Это перспективное назначение».

Тем не менее, ни для кого не было секретом, что и после назначения В.В. Загладина на пост главного редактора, основное бремя по редактированию ежегодника возлагалось на плечи В.М. Далина. Как-то в разговоре со мной, учитывая тематику одной моей статьи по истории французской контрреволюции времен первой Директории, что не могло не создавать в те годы дополнительных препон для ее публикации в советских исторических журналах, Г.С. Кучеренко сказал: «Во "Французском ежегоднике" это возможно, потому что его главным редактором является Загладин, а фактическим Далин». Я могу свидетельствовать, что это на самом деле было так. В этой связи мне бы хотелось подтвердить тот вывод, к которому пришла хорошо знавшая его С.В. Оболенская в связи с определением того места, которое в его жизни занимало редактирование «Французского ежегодника» после смерти А.З. Манфреда: «В последние годы жизни Виктора Моисеевича Далина не было для него, может быть, более важного дела, чем "Французский ежегодник"»¹⁷². В этом, несомненно, единственно возможном заключении, мне бы очень хотелось

¹⁷² С.В. Оболенская. Первая попытка истории «Французского ежегодника» // ФЕ – 2002. С. 78.

опустить слова «может быть».

Более четверти века принимая самое активное участие в редактировании «Французского ежегодника», В.М. Далин приглашал к сотрудничеству таких известнейших зарубежных историков, как Ф. Бродель, А. Собуль, Ж. Годшо, Ж.-Р. Сюратто, Р. Легран, В. Марков¹⁷³ и др., в то же время от всей души одобрял и приветствовал публикацию статей молодых исследователей. Он тщательно подбирал материалы для каждого тома, по несколько раз прочитывал намеченные к публикации материалы.

При этом нелишне обратить внимание на одно существенное обстоятельство: к В.М. Далину с просьбой отредактировать свои работы обращались и его зарубежные коллеги. Об этом можно судить по свидетельству Р. Леграна: «Когда я готовил к изданию свою книгу о Бабефе¹⁷⁴, я посылаю ему верстку этой книги – главу за главой, и он возвращал мне ее со своими замечаниями и соображениями»¹⁷⁵.

Рассказывая о редакторском мастерстве В.П. Волгина, В.М. Далин отмечал: «Он вносил не только принципиальные изменения, но делал литературную правку, отмечал и исправлял неточности, порядок слов, неудачные выражения, устранял повторения, машинописные погрешности, исправлял даже знаки препинания»¹⁷⁶. Все это в равной степени применимо и для характеристики самого В.М. Далина как редактора.

Основными принципами, которыми руководствовался В.М. Далин на протяжении своей жизни, как он сам отметил во время своего последнего выступления, были трудолюбие, честность и добросовестность¹⁷⁷. В.М. Далин был человеком исключительного трудолюбия. Даже в последние месяцы жизни, после перенесенного в сентябре 1984 г. инсульта, он рано вставал и сразу же садился за письменный стол, единственным

¹⁷³ Академик Марков его характеризовал как «нашего дорогого друга многих лет». Письмо В. Маркова автору от 21 октября 1990 г. Личный архив В.А. Погосьяна.

¹⁷⁴ Речь идет о книге: **R. Legran**. Babeuf et ses compagnons de route. Paris. 1981.

¹⁷⁵ **Р. Легран**. Указ. соч. С. 54.

¹⁷⁶ **В.М. Далин**. Полвека изучения истории Франции. С. 20.

¹⁷⁷ **С.В. Оболенская**. В.М. Далин – почетный доктор Безансонского университета. С. 311.

украшением которого был макет Эйфелевой башни, привезенный им когда-то из Парижа. В первой половине дня он обычно писал, а во второй читал книги, газеты, редактировал работы коллег и учеников, отвечал на письма многочисленных корреспондентов. Несмотря на то, что писать ему становилось все труднее (последнее письмо, которое я получил от него, было написано уже рукой его сына М.В. Далина), В.М. Далин был на редкость обязательным и аккуратным корреспондентом. Он отвечал на письма сразу же после их получения, вне зависимости от того, кто их прислал — А. Собуль, Ж. Годшо или какой-нибудь начинающий исследователь, которого он и в лицо-то не знал.

В.М. Далин был человеком кристальной честности и порядочности. Честность, по его убеждению, должна была быть *conditio sine qua non*, без которого немислима подлинная научно-исследовательская работа. Этому обстоятельству он придавал первостепенное значение, о чем свидетельствуют даже сделанные им дарственные надписи на разных подаренных мне книгах. На третьем томе сочинений Бабефа, например, в 1978 г. он написал: «*À mon cher Varoujean, dans l'espoir qu'il travaillera assidûment et qu'il lira immensément comme il le faut pour devenir un véritable et honnête historien*» («Моему дорогому Варужану, в надежде, что он будет работать усидчиво и читать очень много, на должном уровне, чтобы стать настоящим и честным историком»). Надпись же, сделанная в августе 1983 г. на книге «*Hommes et idées*», гласит: «*À mon cher Varoujean, dans l'espoir qu'il deviendra un véritable savant bien honnête et très erudit, en souvenir de deux grands savants qu'il connu, Albert Manfred et Albert Soboul*» («Моему дорогому Варужану, в надежде, что он станет настоящим ученым, очень честным и очень эрудированным и на память о двух крупных ученых, которых он знал — Альберта Манфреда и Альбера Собуля»).

Если помимо честности, В.М. Далин требовал в науке упорства и добросовестного отношения к выполняемой работе, то в жизни он настаивал также на проявлении терпимости и сохранении чувства собственного достоинства. «Заниматься наукой похоже на поднятие на гору», — при необходимости подчеркивал он. К сожалению, я это поздно усвоил. А как-то посоветовав обратиться для публикации одной статьи в редакцию журнала

«Новая и новейшая история», он сразу же добавил: «Ничего не надо просить, не надо унижаться».

В.М. Далин был не только весьма заботливым, но и на редкость требовательным научным руководителем. Он полагал, что начинающий исследователь обязан на перекрестках исторической науки выбирать, по возможности, самый сложный путь. Он очень переживал, что молодые историки почти полностью игнорируют изучение экономической истории. От своих же учеников В.М. Далин требовал тщательного подбора источников, проявления критического к ним отношения, чтения современных зарубежных исторических журналов, знание классической, в особенности, французской и русской художественной литературы (сам он очень ценил творчество Л.Н. Толстого), повседневного расширения знаний и исторического диапазона. Следует особо отметить, что, сам обладая колоссальной эрудицией, он придавал ее развитию первостепенное значение. При этом В.М. Далин очень не любил, когда другие говорили про его глубокие, разносторонние познания. В апреле 1979 г., при обсуждении в секторе Новой истории Института всеобщей истории АН СССР рукописи его книги «Историки Франции XIX-XX веков», он вежливо перебил одного из выступавших, заявив: «Товарищи, не надо так часто упоминать про мою эрудицию: что она из себя представляет в сравнении с эрудицией моих предшественников — Лукина, Савина, Тарле». В связи с этим присутствовавший на заседании В.П. Смирнов, имея на это все основания воскликнул: «Виктор Моисеевич, а теперь сравните Вашу эрудицию с эрудицией идущего за Вами поколения историков!» Полностью принимая правдивость замечания многоуважаемого нами В.П. Смирнова, хотелось бы разъяснить, что этот печальный факт был обусловлен множеством веских причин: ведь не сравнить образование, полученное В.М. Далиным в царской гимназии, с образованием, полученным моими сверстниками в советских школах. Даже в советских вузах самым основополагающим историческим предметам не уделялось должного внимания (в связи с этим члены ученого совета исторического факультета ЕГУ в бытность мою студентом в 1970-х годах не раз поднимали голос протеста, но безрезультатно), а взамен, упор делался, главным образом,

на преподавании общественных дисциплин на основе изучения произведений основоположников марксизма-ленинизма.

В.М. Далин, по его же свидетельству, в одесской гимназии выучил, как уже отметили, французский, немецкий и латынь. Впоследствии он изучил также английский и итальянский языки. Полагая по праву, что исследователь, занимающийся историей западных стран, обязан свободно владеть несколькими языками (в особенности, языком изучаемой страны), В.М. Далин требовал от своих учеников безукоризненного знания иностранных языков. В разговорах часто переходя на французский язык, он упрекал за каждую, казалось бы, малейшую ошибку. Как-то он привел мне пример одного из своих коллег: «Он грамматику французского языка очень плохо знал и все время с трибуны выступал с ошибками. Но он был крупным ученым, ему это было простительно, а Вы молодой, Вас никто прощать не будет. Вы обязаны говорить на этом языке без ошибок».

Основательно овладев рядом ведущих европейских языков, В.М. Далин еще с 1920-х годов пристально следил за достижениями зарубежной науки. Я об этом впервые узнал при составлении после его кончины библиографии его трудов, когда передо мной открылась целая панорама, насыщенная яркими цветами зарубежной, в особенности, французской историографии. Библиография эта включает помимо его основных научных работ, еще и многочисленные рецензии, написанные на различные европейские издания, в частности, по истории французского рабочего движения, историю которого он сам глубоко изучал в те годы.

В.М. Далин проявлял все возрастающий с годами интерес к достижениям дореволюционной, советской и западной исторической мысли, регулярно выступая в советских изданиях не только с обстоятельными, глубоко научными статьями историографического характера, но и с рецензиями на новейшие труды своих отечественных и зарубежных коллег. Он был первым, кто в годы моего обучения в аспирантуре объяснил мне суть научной рецензии: узнав как-то, что я, начинающий исследователь, имею желание написать рецензию на книгу одного из моих советских коллег по истории наполеоновской Франции, он сказал: «Можно, если сможете показать, что там нового». По признанию же

одного из моих коллег, В.М. Далин, не очень удовлетворенный уровнем написанной им рецензии, деликатно дал понять то же самое: «И я пишу рецензии, но когда владею материалом».

В.М. Далин был глубоко принципиальным историком, не отступавшим от своих позиций. Тем не менее, он никогда не принуждал других, в том числе своих учеников, разделять его взгляды, не подчеркивал имевшуюся между ним и молодыми историками разницу, а в разговорах с ними обычно отмечал: «Это мое мнение, Вы можете его не принимать». На это обстоятельство по праву обратил внимание и А.В. Гордон, отметивший: «Хотелось бы... заявить об уважении Далина к иной позиции, к ее принципиальному отстаиванию. Но, сколько не роюсь в памяти, не нахожу хотя бы следа неприязни или огорчения, которые бы выразил он в связи с нашими разногласиями»¹⁷⁸.

Будучи человеком очень сдержанным, В.М. Далин редко кому-либо делал замечания, заранее при этом извиняясь. Он никогда не позволял себе говорить о тех историках, с которыми по той или иной причине у него не сложились добрые отношения, или же к которым, в глубине души, не относился с симпатией. Лишь однажды, смущаясь, робко упоминая о своем негативном отношении к одному из советских франковедов, он добавил: «И Альберт Захарович ее не любил».

И еще об одной особенности его характера. В.М. Далин был очень доброжелательным человеком, всегда готовым протянуть руку помощи тем, кто находился рядом. К нему за консультациями обращались не только его коллеги и ученики, но и посторонние исследователи, о существовании которых он до этого понятия не имел. Его личная библиотека мало чем отличалась от публичной, ибо он никогда не отказывал окружающим в возможности пользоваться полученными в дар от зарубежных коллег книгами, которых еще не было в московских библиотеках.

Таким он был, Виктор Моисеевич Далин, цельная личность, историк огромного таланта, оставивший яркий след в советской и мировой исторической науке.

¹⁷⁸ А.В. Гордон. Встречи с В.М. Далиным // ФЕ – 2002. С. 49.